

Доктор Роберт А. Петерсон, Собственно теология, Сессия 3, Исторические рассуждения о Троице, Библия и второй век

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении о собственно теологии, или Боге. Это сессия 3, Исторические зондирования Троицы, Библейские и второго века.

Отец, Сын и Святой Дух, мы преклоняемся перед тобой. Мы благодарим тебя за то, что ты наш Бог, а мы твой народ. Научи нас, даже когда мы изучаем, как ты руководил церковью, постепенно понимать, что ты три в одном от вечности. Благослови нас, мы молим, через Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Мы начинаем историческую теологию Троицы после того, как немного больше библейских хороших вещей происходит. Доктрина Троицы подчеркивает важность того, чтобы церковь уделяла время пониманию христианской теологии в свете послания Писания, отвергая при этом ошибки лжеучителей.

Я хочу выразить признательность Роберту Летэму, *«Святая Троица в Писании, истории, теологии и богослужении»*, 2004. Роберт Летэм, ЛЕТЭМ, *«Святая Троица»*. Это была отмеченная наградами книга.

Она обошла Моргана и мою книгу *«Ад под огнем»* для Zondervan, которая была финалистом, но Летэм победил, и он этого заслужил. Библия учит, но не систематизирует учение о Троице. Она учит, но не систематизирует его.

Отцы церкви следуют библейской траектории и справедливо учат, что единый Бог вечно существует в трех лицах: Отца, Сына и Святого Духа. Мы увидим, что это довольно краткое изложение долгого и трудного процесса, и это правильно. Им было очень трудно это понять.

Ветхий и Новый Заветы последовательно утверждают, что есть только один живой и истинный Бог. Второзаконие 4:35. Второзаконие 6:4, знаменито. 1 Тимофею 2:5, Иакова 2:19. Хотя дерево учения о Троице растет в Новом Завете, его корни находятся в Ветхом Завете.

Важным библейским развитием является трехчастное или триадическое понимание Бога в Новом Завете. Эта триадическая модель сыграла важную роль в развитии понимания церковью того, что Бог — это Святая Троица. Вот список

из семи отрывков, демонстрирующих эту модель, из шести разных авторов Нового Завета.

Это важно. Так вот, это было распространено в ранней церкви: узор из триад, или триад, или троек.

Матфея 28:19, Итак, идите, научите все народы, сказал Иисус в Великом поручении, крестя их во имя, единственное число, Отца и Сына и Святого Духа. Это триадический образец. Галатам 4:4-6, текст об усыновлении.

Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы — сыны, то Бог послал в сердца наши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче. Галатам 4:4-6. Последнее предложение содержит в себе то, что Бог послал Духа Сына Своего, что является способом обозначения Святого Духа, в наши сердца, вопиющего: Отец, Отец.

Бог, очевидно, в контексте Отца, послал дух своего Сына в наши сердца. Так что, короче говоря, компас, Отец, Святой Дух, Сын. И снова, дух там назван духом Сына Отца.

Вот оно. Есть фраза, даже не предложение, не глагол, дух Сына Его, дух Сына Отца. Римлянам 8 просто говорит о духе усыновления, духе сыновства.

Бог послал Сына Своего, рожденного от жены, рожденного под законом, как я сказал. Евреям 9:14, насколько же более, если кровь быков и козлов делала свое дело, насколько же более кровь Христа, Который через вечный Дух принес себя непорочного Богу, очистит нашу совесть от мертвых дел, чтобы мы могли служить живому Богу. Это единственное место в Библии, которое я знаю, где Святой Дух участвует в смерти Иисуса.

Христос, кровь Христа, жертвенная смерть Сына Божьего, через вечного Духа. Есть экзегеза меньшинства. Филипп Хьюз, которого я очень уважаю, считает, что это божественная природа Христа.

Но большинство и историческая экзегеза говорят, нет, это Святой Дух. Как говорит Уильям Лейн в своем замечательном комментарии к Посланию к Евреям, роль, которую Святой Дух играет в жертве Иисуса, делает ее абсолютной жертвой, кладя конец всем другим жертвам. Вы можете сказать, и я произношу это, мне это приходит в голову прямо сейчас, что именно жертва жертв делает законными, Евреям 9:15, все предыдущие жертвы, и приводит их к резкой остановке, и делает Божьей волей то, чтобы больше не было жертв.

Кровь Христа, через вечного Духа, принесла себя в жертву Богу. В контексте, это должен быть Отец . И снова Троица.

Итак, эта модель просто повторяется у всех разных авторов, 1 Петра 1:1 и 2. Избранным, по предведению Бога Отца, через освящающее действие Духа, быть послушными и окропиться Кровию Иисуса Христа, 1 Петра 1:1 и 2. Быть послушным в этом контексте, как часто у Петра, так и иногда у Павла, означает быть послушным Евангелию, то есть повиноваться Евангелию. Это заповедь. Так что речь идет о вере во Христа и окроплении Его Кровью.

Предвидение Отца, освящение Духа, в данном случае, изначальное, окончательное, и кровь Сына окропляет тех, кто послушен, то есть, кто повинуется Евангелию, кто верит Евангелию. Если вы изучите слова повиноваться, послушный, непослушание, непослушание в 1 Петра, вы обнаружите, что иногда, большую часть времени, это говорит о вере и неверии. Не всегда.

Конечно, это зависит от контекста, как всегда. 1 Иоанна 4:13 и 14, Отец дал нам от Духа Своего, или просто сказать, что Бог дал, и мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына как Спасителя мира. Я бы предпочел перевод , Отец послал Сына, чтобы стать Спасителем мира.

Это и есть та самая христианская Библия. У вас есть Дух, у вас есть Отец и Сын. Опять же, в двух стихах, или как насчет Иуды 20 и 21, мы цитировали это ранее, но вы, дорогие друзья, назидая себя в святейшей вере вашей, молясь Святым Духом, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа для вечной жизни.

Молясь в Духе Святом, храните себя в любви Божией, очевидно Отца, потому что он сказал вместе с Духом и Господом Иисусом Христом. Еще раз, триадический образец.

Откровение 1:4 и 5, прямо из коробки, вы получаете этот шаблон. Благодать вам и мир от Того, Кто есть, был и грядет, и от семи духов перед престолом Его, и от Иисуса Христа, свидетеля верного, первенца из мертвых и владыки царей земных. Очевидно, что Христос, сидящий на престоле, есть Отец. Семь духов перед престолом Его — это способ обозначения Святого Духа, и это общее понимание семи духов перед престолом.

Ранние христиане, так что мы увидели семь отрывков Нового Завета от шести разных авторов, вдохновленные авторы, которые продемонстрировали эту тройственную, тройную, троичную модель, эту триадическую модель. Ранние христиане никогда не отступали от библейского понимания того, что Бог един.

Их теологической задачей было объединить эту истину с чем-то новым, а именно с поклонением Иисусу Христу.

Ранние христиане поклонялись ему до того, как поняли учение о Троице. Поклонение Христу как Господу подразумевало его божественность. Мы увидим это позже, когда действительно займемся системой и систематизируем учение о Троице.

Бог Отец есть Бог, вот доказательства. Бог Сын есть Бог, вот доказательства. Святой Дух есть Бог, и под божественностью Христа мы увидим, что он является объектом поклонения, молитв, славословий и поклонения.

Это прекрасное доказательство того, что он Бог. Поклонение Христу как Господу подразумевало его божественность. Христиане относились к нему, который умер и воскрес, чтобы спасти их, как верующие грешники, твари относятся к своему Богу.

Как они могли поклоняться Иисусу, одновременно придерживаясь своей устоявшейся веры в единство Бога? Эта задача была сложной, и по иронии судьбы, ей помогали на своем пути ложные учения о личности Христа, на которые церковь реагировала этими ложными учениями. То есть, история учения о Троице, наряду с историей учения о Христе, является спорным богословием. Бог, в своем провидении, побудил церковь ответить на ложное учение истиной, хорошим учением, но ее подталкивали по этой траектории ошибки, даже ереси.

Поэтому церкви потребовалось несколько столетий, чтобы кристаллизировать учение о Троице. Я обращаюсь к замечательному источнику, лучшему для патристического богословия, Дж. Н. Д. Келли, известному англиканскому историческому теологу и историку церкви, « *Ранние христианские доктрины* », Дж. Н. Д. Келли. Страница 83 его книги.

Классические символы веры христианского мира начинались с заявления о вере в единого Бога, творца неба и земли. Монотеистическая идея, основанная на религии Израиля, занимала видное место в умах самых ранних отцов. Хотя она и не нашла отражения в текстах теологов.

Вы не увидите систематического представления Троицы, которое вы найдете, например, в Халкидоне, где Никейский Символ веры отшлифован, завершен, получил свою окончательную форму. Хотя они и не были рефлексивными богословами, они полностью осознавали, что это знаменует собой разделительную линию; единство Бога знаменует собой разделительную линию между церковью и язычеством. Согласно пастырю Гермы, апостольскому отцу,

первая заповедь — это, цитата, верить, что Бог есть тот, кто создал и установил все вещи, приведя их в бытие из небытия, закрытая цитата.

Именно он «невидимой и могущественной силой и великой мудростью сотворил вселенную, и славным замыслом облек творение свое в благолепие, и сильным словом своим утвердил небеса и основал землю над водами». Он может быть не рефлексирующим теологом, но он хороший писатель, скажу я вам. Для Климента Александрийского Бог — Отец и создатель всего космоса.

Для Варнавы, другого апостольского отца, и Дидахе он наш создатель. Его всемогущество и всеобщий суверенитет были признаны, ибо он был Господом Всемогущим, библейское выражение, встречающееся в книге Откровения, например, Господь, который управляет всей вселенной, хозяин всего. Отцы говорили такого рода вещи.

Титул Всемогущий подразумевал всепроникающий контроль и суверенитет Бога над реальностью, так же как Отец в первую очередь относился к его роли как создателя и автора всего сущего. Эти идеи вытекают почти исключительно из Библии и позднего иудаизма, редко из современной философии. Хотя иногда, особенно у апологетов, ранних защитников веры, они использовали светскую мысль, что Павел и делает пару раз в книге Деяний.

Иустин Мученик, около 100 до 165, ок. означает латинское *circa*, и это означает около. Мы не знаем его точных дат, но это те оценки, которые приводятся, примерно 100 до 165.

У Иустина единство, трансцендентность и творческая роль Бога утверждаются языком, сильно окрашенным платоническим стоицизмом его времени. Поэтому он погружен в греческую философию, и это видно. По-видимому, он искренне верил, что греческие мыслители имели доступ к. Вот как он признает истину в них.

Это, вероятно, хорошая апологетика. Теперь мы знаем, что это ошибка, но в свое время он искренне это сказал. Поэтому он говорит, что Бог вечен, невыразим, не имеет имени, неизменен, непроходим и нерожден.

Технический термин, подчеркивающий его уникальную непервоначальность в отличие от тварей. Это греческое слово. Он также создатель вселенной, создатель и отец всех вещей, сам выше бытия.

Он причина всего сущего, и Маркион, известный гностический еретик, нападавший на церковь, который был умным парнем, ошибался, проводя различие между Богом и Демииургом. Гностицизм утверждал, что у Бога не было

прямого контакта с миром. Были эти промежуточные существа, иногда называемые Демиургами.

Мы узнали, утверждает он, что будучи добрым, Бог создал все вещи; это Иустин, в начале, из бесформенной материи. Это было учением Тимея Платона, которое Иустин, как предполагалось, было родственным и заимствовано из того, что содержится в Книге Бытия. Мы аплодируем сердцу Иустина и даже его уму.

О, он что-то перепутал. Спасибо грекам, заимствованным из Библии. Для Платона, конечно, предсуществующая материя была вечной, но это маловероятно, что Юстин согласился с этим дуалистическим выводом.

Скорее всего, он считал небо и землю, которые, по словам Моисея, были созданы первыми, материалом, из которого Бог создал свой космос. Еще одним важным моментом, который он сделал, было то, что при создании и поддержании вселенной Бог использовал свой логос, свое слово, как свой инструмент. Другие апологеты были в одном русле с Юстином, хотя они были более определенными относительно творения *ex nihilo*, из ничего.

Татиан делает это, как Афинагор и Феофил Антиохийский. Мне не нужно приводить все эти цитаты. Иринеи приходит позже, но с Иринеем, так что апологеты, ранние защитники веры, не великие теологи, читатели Библии, верующие в Библию, знающие философию, это их мир, и они пытаются объединить их вместе для защиты веры.

Иринеи считается первым истинным христианским теологом, настоящим мыслителем, который сделал несколько замечательных выводов. С Иринеем утверждение Бога как единого и как творца приобрело особую значимость. Его задача отличалась от задачи апологета, заключааясь в том, чтобы опровергнуть гностическую теорию иерархии эонов, нисходящих от непознаваемого верховного Бога, с ее следствием в виде пропасти между ним и творцом или демиургом.

Это их космология, понятно? Непознаваемый Бог, целая иерархия этих эонов, этих созданных существ, с огромной пропастью между ним и Богом, который создал, Богом-творцом Ветхого Завета. У них не было высокого взгляда на Ветхий Завет. На самом деле, Маркион сказал, что это от демиурга, это не от Бога.

Бог был ответственен за Новый Завет, за исключением того, что он убрал места, где он выглядел как Бог, где он представлял Бога как создателя. Честное слово, он сделал текст, он сделал критику содержания Нового Завета. Сократ.

Мне вам немного почитать... Иринеи как раз решительно нападает на эту идею. Тот, кого они называют демиургом, есть Бог; вот что он говорит. Они богохульно описывают его как недоразвитый продукт.

Мы знаем, что нет ничего выше или после него, поскольку он один Бог, один Господь, один творец, один Отец, один содержит все вещи и дарует им существование. Первый пункт веры, который он объяснил, Иринеи, это, цитата, Бог Отец, несотворенный и нерожденный, невидимый, единое и единственное божество, творец вселенной. Он был велик, вместе с Павлом, в утверждении, что творец является искупителем.

Подумайте о Колоссянах 1, Христос-он, хорошо? Тот, кто занимает первое место в творении, потому что он был агентом Отца в творении, занимает первое место в искуплении, потому что он первенец из мертвых. Это жизненно важная связь между ними, потому что искупитель, Иисус Христос, является творцом, агентом творения Отца в первую очередь. Он - Бог во плоти, и Иринеи видел это, и он пошел на битву за это.

Его знаменитая книга называется «Против ересей», и вы видите его цель прямо здесь. Собственные слова Христа подразумевают, что в мире есть только один фабрикат, и что он идентичен Богу, провозглашенному законом и пророками, единству заветов и единству истории Бога, если хотите. Он учил, что Бог осуществляет свою творческую деятельность через свое слово и свою мудрость или Дух, слово, Сын, мудрость, Дух, и был твердо убежден в творении ex nihilo, указывая на то, что люди действительно не могут создать что-либо из ничего, но только из материала, уже существующего до них.

Я думаю о Сперджене. Мой пастор, Ван Лис, довольно часто цитирует Сперджена, и Сперджен как-то взволнованно говорил о том, о, боже, как вы думаете, вы можете создать муху? Вы не можете создать насекомое, вы знаете, говоря о различии между создателем и творением. Это прекрасно.

Он мог бы быть Иринеем в этом, хотя я так не думаю. Люди, человеческие существа, могут творить только из материала, который уже был до них. Бог превосходит людей в этом главном аспекте, что он сам предоставил материал для своего творения, хотя он не существовал ранее.

Чтобы установить эти принципы, Иринеи обращается, в дополнение к писанию, к нашему естественному разуму. Творческие вещи должны обязательно черпать начало своего существования из некой первопричины. Это похоже на Аристотеля, а Бог есть начало всего.

Я бы сказал, что Аристотель звучит как Ириней, конечно. Он не происходит ни от кого, и все вещи происходят от него. Среди всех вещей есть то, что мы называем миром, а в мире — человек.

Итак, этот мир также был создан Богом. Опять же, он наслаждается разоблачением противоречия, связанного с постулированием ряда эманаций между непознаваемым Богом и миром более высоких степеней божественности. Цитата, по тем же рассуждениям, с помощью которых они, гностики, стремятся показать, что есть Плерома, то есть это посредническое дело, или Бог над создателем неба и земли, можно будет утверждать, что есть другая Плерома над Плеромой, еще одна над ней, и над Битосом, другой океан божественности, и таким образом их учение падает до бесконечности.

Он спорит, он использует логический аргумент до бесконечности, чтобы получить их. Они всегда будут обязаны представлять себе других Pleiomata и других Bythi, это множественное число этих слов. В любом случае, каждая подчиненная эманация должна разделять природу своего принципа, но само понятие Божества исключает множественность богов.

Либо должен быть один Бог, который содержит все вещи и создал каждое создание по своей воле, либо должно быть много неопределенных созданий или богов, с маленькой буквы g, каждое из которых начинается и заканчивается на своем месте в ряду. Но в этом случае нам придется признать, что ни одно из них не является Богом, поскольку каждое из них будет неполноценным по сравнению с остальными, и титул Всемогущего будет сведен к нулю. Демиург гностицизма не может быть Богом, поскольку у него есть другой, превосходящий его самого.

Он утверждает превосходство Бога над всем сущим, и если у вас есть эта серия уменьшенных божеств, ни одно из них не является Богом, потому что всегда есть одно большее. О, мое слово, вера церкви, учение о едином Боге, Отце и создателе, формируют фон и неоспоримую предпосылку веры церкви. Унаследованная от иудаизма, она была ее оплотом против языческого политеизма, гностического эманирования и дуализма маркионитов.

Проблема теологии заключалась в том, чтобы интеллектуально интегрировать с ней свежие данные специфически христианского откровения. Сведенные к их простейшим, это были убеждения, что Бог явил себя в лице Иисуса. Извините.

Вот новые данные, которые должны быть соотнесены с единством Бога. Два убеждения. Бог явил себя в лице Иисуса Мессии, воскресив его из мертвых и предложив спасение людям через него, и что он излил своего Святого Духа на церковь.

Даже на этапе Нового Завета идеи о предсуществовании Христа и его творческой роли начали обретать форму, и возникло глубокое, хотя часто и неясное, осознание деятельности Духа в церкви. Сама Библия не вложила эти истины в целостную церковь. Церкви пришлось ждать несколько столетий, чтобы сделать это, и я рад, что они это сделали, потому что отражение ересей было одним из способов, с помощью которых Бог как бы вел их к истине, но это было не просто.

Мы увидим, что существуют различные формулировки, и некоторые из ранних отцов сделали хорошие ходы, но принцип исторического богословия заключается в том, что неразумно и даже несправедливо судить более ранних авторов по более поздним формулировкам. Так что Тертуллиан, который достиг большого прогресса, не проходит проверку согласно техническому, детальному изучению Никей и Халкидона, но это несправедливо. Просто несправедливо привязывать его к более поздним формулировкам и словарю.

Восток и Запад не могли договориться по лексике, и когда Афанасий проявил смиренный дух, это помогло своего рода посреднику в сделке, которая позволила отцам Востока и Запада договориться, потому что они определяли одни и те же термины очень по-разному, и они смотрели друг на друга с подозрением, потому что их собственное определение точки зрения другого, терминов другого приводило их к ошибочным выводам, и наоборот. Иустин Мученик, все еще. В нескольких случаях Иустин координирует трех лиц, иногда цитируя формулы, полученные из крещения и Евхаристии, Вечери Господней, иногда повторяя официальные катехизические учения.

Таким образом, каждый из них отражал обвинение в атеизме, выдвинутое против христиан. Христиане были атеистами, потому что не поклонялись римским богам или императору. Просто принесите жертву императору, и мы причиним вам вред.

Многие христиане предпочли умереть, чем сделать это. Иустин парировал атеистическое обвинение, указав на почитание, которое они оказывали Отцу, Сыну и пророческому Духу. Действительно, ссылки на Святой Дух или пророческий дух изобилуют в трудах Иустина Мученика, и хотя он часто был неясен относительно связи своей функции с функциями Логоса, его попытка извлечь свидетельство о его существовании как третьего божественного существа из трудов Платона, вот и все, доказывает, что он считал эти две сущности действительно разными.

И снова, ранние отцы и апологеты. Опять же, мы отдаем должное апологетам за поклонение Сыну и за то, что они начали думать об этих вещах, верно? И за то,

что они называли Сына Логосом , как это делает Иоанн 1, и 1 Иоанн 1 и Откровение 19, и начали думать об этих вещах. Однако апологеты, по сравнению с их мыслями о Логосе, по-видимому, были крайне неопределенны относительно точного статуса и роли духа.

Я бы сказал, дайте им передышку. Это очень трудно сделать. Его основная функция, в их глазах, похоже, заключалась в вдохновении пророков.

Это имеет смысл согласно Новому Завету, не так ли? Развивая это, Джастин интерпретирует Исаию 11:2, которую мы читаем на нашем богослужении в воскресенье утром. Дух Господень почиет на нем, как указание на то, что с пришествием Христа пророчество прекратится среди иудеев. Отныне Дух будет духом Христа, и он будет даровать свои дары и благодать христианам.

Следовательно, именно он является источником озарения и делает христианство высшей философией. Именно так представляли ее апологеты, высшей философией, данной Богом, потому что таков был их контекст. Они были философами, обращающимися к философам.

Не может быть никаких сомнений в том, что апологеты мыслили себя крайне запутанно. Они были очень далеки от того, чтобы выработать трояственную модель церковной веры в последовательную схему. В этой связи примечательно, что Иустин не отводил Святому Духу никакой роли в воплощении.

Иногда они говорят, что сын был ответственен за то, что сын стал воплощенным. Как и другие божественные доникейские отцы, до Никеи 325, как и другие доникейские отцы, он понимал божественный дух и силу Всевышнего , упомянутого в Луки 1:35, не как ссылку на Святой Дух, но как логос, довоплощенное слово или сына, которого он представлял и представлял входящим в утробу Пресвятой Девы и действующим как агент его собственного воплощения. Несмотря на непоследовательности, однако, линименты тринитарной доктрины ясно различимы уже у апологетов.

Замечательно. Дух был для них духом Бога. Как и слово, он разделял божественную природу.

Будучи, по словам Афинагора, истечением из божества. Хотя многое из языка Юстина о нем как о субличностном кольце, становится более личным, когда он говорит о пророческом духе. И невозможно избежать личных подтекстов, содержащихся в его мольбах о том, что Платон заимствовал свою концепцию третьего у Моисея и что языческий обычай воздвигать статуи Кора у источников был вдохновлен библейской картиной духа, движущегося по водам.

Этого достаточно. Некое заключительное слово для апологета, главным из которых считается Иустин. Таким образом, образ, с которым работал апологет, а именно, образ человека, проявляющего свою мысль и свой дух во внешней деятельности, позволил им распознать, хотя и смутно, множественность в Божестве, а также показать, как слово и дух, будучи реально проявленными в мире пространства и времени, могли также пребывать в существе Отца.

Это сущностное единство с ним, их сущностное единство с ним, было нерушимым. Иринеи, возвращаясь к главному теологу ранней церкви, мы не знаем, когда он родился, где-то между 120-140 годами. Точно так же, о, горе, у нас есть лучшая оценка его смерти, лучшая оценка, 203 или 204.

Великий противник гностиков. У меня был профессор, который сказал, еще в семинарии, если бы мы могли вернуться в первый век и посмотреть, или во второй век, и оглядеться, то там, возможно, было больше гностиков, чем христиан. Вот насколько это было влиятельно, и греческая мысль, греческая философия была.

Теологом, который суммирует мысль второго века и доминировал в христианской ортодоксии до ее возникновения, был Иринеи. Он, со своей стороны, был глубоко обязан апологету. Хотя он был более самосознающим церковником, чем они, более открыто привязанным к христианскому троиственному правилу веры и более готовым его сформулировать, рамки его мышления оставались в значительной степени такими же, как и у них.

Таким образом, он приблизился к Богу с двух сторон, рассматривая его и как он проявляется в своей внутренней сущности, и как он проявляет себя в экономике, в своем сотворенном мире и искупительной истории. Это упорядоченный процесс его самораскрытия. Мы бы сказали, как неизбежная Троица, и, я забыл слово, явленная Троица.

Если я не попытаюсь, то, возможно, это всплывет. С первой точки зрения, Бог Отец всех вещей, невыразимо единый, и все же содержащий себя от вечности, свое слово и мудрость. Однако, давая о себе знать или прилагая усилия для творения и искупления, Бог экстраполирует или проявляет их как Сына и Духа.

Это его руки, знаменитые, Иринеи известен тем, что называл Сына и Духа руками Бога, носителями или формами его самораскрытия. Таким образом, Иринеи мог утверждать, что по самой сути и природе его бытия есть только один Бог, в то время как в то же время, «согласно домостроительству нашего искупления, есть и отец, и Сын». И он мог бы легко добавить Дух.

Где он был впереди апологетов, от которых он также расходился в своем намеренном избегании философского жаргона, был А, в его более твердом понимании и более явном изложении его понятия экономики, вот она, экономическая Троица, выдающаяся Троица, то есть Бог в себе как три лица, и экономическая Троица, Троица, явленная в творении, провидении и искуплении, например. Но Ириней превзошел апологета в том, что имел большее понимание экономики, и Б, в гораздо более полном признании, которое он дал месту духа в триадической или тройственной схеме. Мы ранее заметили акцент Ириней на уникальности и трансцендентности отца, автора всего сущего.

Тем не менее, в цитате, будучи всецело разумом и словом, Бог произносит то, что думает, и мыслит то, что произносит. Его мышление — это его слово, а его слово — это его интеллект, и Отец — это этот интеллект, охватывающий все вещи, близкая цитата. Более кратко, «поскольку Бог разумен, он сотворил все, что было сотворено его словом».

Здесь мы имеем концепцию, столь знакомую нам от апологета, логоса, или слова неизбежной рациональности Бога, которую он экстраполирует в творение и т. д. Однако в отличие от них Ириней отвергает излюбленную аналогию между высказыванием Богом своего слова и декларацией человеческой мысли и речи на том основании, что он тождествен своему слову. Бог тождествен своему слову.

Фактически, следуя примеру Исайи 53, восьмой главы, кто изъяснит его рождение? Он отвергает все попытки исследовать процесс, посредством которого слово было рождено или произведено. Он также бросает в гораздо более поразительный рельеф, чем они, затем они, затем апологет, он также бросает в более поразительный рельеф, чем апологет, сосуществование слова с Отцом от вечности. И вот человек, который определенно верит в единого Бога, поэтому мы можем видеть, что он настоящий мыслитель, он борется, не имеет отточенной доктрины Троицы, сформулированной, но кто, у него есть ее начатки, не так ли? Однако он, кажется, не учил доктрине вечного рождения, которая является более поздним пониманием.

Ириней, конечно, понимал связь слова с Отцом как вечную, но он не дошел до того, чтобы изобразить ее как поколение, поколение. С Сыном Ириней тесно связывал Духа, утверждая, что если Бог был разумным и, следовательно, имел свой логос, то он был также духовным и также имел своего Духа. Здесь он показал себя последователем Феофила, а не Иустина, отождествляя Духа с божественной мудростью и тем самым укрепляя свое учение о третьем лице надежной библейской основой.

Таким образом, он утверждает, что «его слово и его мудрость, его сын и его дух всегда с ним». И что именно к ним Бог обратился со словами: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему. То, что мудрость, то есть дух, были с ним до сотворения мира, он находит подтверждением в утверждениях Соломона в Притчах 8, среди других мест.

«Бог премудростью сотворил землю», также Притчи гл. 3, 3:19 и 8:22 и далее. Таким образом, слово и дух сотрудничали в деле творения, будучи как бы двумя руками Бога снова. Этот образ был призван выявить неразрывное единство между творящим Отцом и органами его деятельности.

Функцией слова было вызывать творения к существованию, а Духа — упорядочивать и украшать их. Поэтому он пишет, цитирую, именно слово установило, именно оно устанавливает вещи, то есть дает им тело и наделяет реальностью бытия, а Дух придает порядок и форму этим различным силам. Творение, конечно, не исчерпывает функции слова и духа; именно словом и только словом Отец открывает себя.

«Он неизречен, но слово возвещает нам о Нем». Иоанновская основа этой теологии очевидна и находит характерное выражение в таких утверждениях, как, цитата, сын открывает знание отца через свое собственное проявление, ибо проявление сына есть познание отца, и цитата, то, что невидимо в сыне, есть отец, а то, что видимо в отце, есть сын, близкая цитата. Так и в Ветхом Завете с патриархами.

В воплощении слова, доселе невидимый для человеческих глаз, он стал невидимым и впервые явил тот образ Божий, по подобию которого изначально был создан человек. Что касается духа, то это был он, цитата, через которого пророки пророчествовали, и духи познавали дела Божии, и праведники были приведены на путь правды, и который в конце века был излит новым образом, обновляя человека для Бога, закрытая цитата. Он хороший мыслитель, не так ли? О, боже, отчасти это связано с тем, что у некоторых ранних христиан не было времени думать. Хотя мы могли, возможно, потерять некоторые писания, они уклонялись от львов и пытались выжить.

Но он был епископом, и у него было время между гольфом и полетами на самолете, он также любил немного почитать и пописать. Наше освящение — это действительно всецело работа духа, ибо «дух отца очищает человека и возносит его к жизни Бога». Естественно, сын полностью божественен, цитата, отец — Бог, и сын — Бог, ибо все, что рождено от Бога, есть Бог.

Дух, также, хотя Ириней нигде прямо не называет его Богом, явно ранжируется как божественный в его глазах, ибо он был Духом Божиим, вечно исходящим из

его существа. Таким образом, мы имеем видение Божества Иринеем, наиболее полное и наиболее явно тринитарное, которое встречалось до Тертуллиана. Его черты второго века выделяются ясно, особенно его представление триады посредством образов не трех равных лиц, что было аналогией, используемой отцами после Никейского собора, а скорее одного лица, Отца, который есть само Божество с его умом или рациональностью и его мудростью.

Западная точка зрения, Никейский собор продвигает западную точку зрения Августина, три равных лица, понятие единого лица, Отца, являющегося источником, не в смысле творения или подчинения, а божества, является восточным, и является восточным в своей, или по сей день является восточной, восточной ортодоксии. Мотивом этого подхода, общего для всех христианских мыслителей этого периода, была их интенсивная озабоченность фундаментальным догматом монотеизма, но его неизбежным следствием было определенное затемнение положения Сына и Духа как личностей, если использовать жаргон позднейшего богословия, до их порождения или испускания. Из-за его акцента на экономике, мире, сотворенном Богом, не до творения, вечности, а творческой истории, этот тип мышления получил название экономического тринитаризма.

Описание уместно и удобно, пока не предполагается, что признание Иринеем Троицы, раскрытой в икономии, и его озабоченность ею помешали ему признать также таинственные три в единстве внутренней жизни Божества. Весь смысл великого иллюстративного использования, которое он, как и его предшественники, использовал, человека с его интеллектуальными и духовными функциями, состоял в том, чтобы выявить, хотя и неадекватно, тот факт, что существуют реальные различия в неизбежном бытии уникального неделимого Отца, и что, хотя они были полностью проявлены только в икономии, они фактически были там от всей вечности. Это хорошее место для нас, чтобы завершить эту лекцию.

В следующий раз мы продолжим рассмотрение тринитаризма третьего века.